

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Глазов)

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВТОРОГО ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Многие исследователи марийского языка придерживаются единой точки зрения по вопросу о происхождении форм второго прошедшего времени и считают, что они образовались из древнего причастия на *-n*, позднее переосмысленного как деепричастие, и спрягаемой формы настоящего-будущего времени глагола *ula-š* 'быть'.¹ Действительно, происхождение этих форм довольно прозрачно. Однако ставя перед собой более широкую задачу, языковеды ограничиваются в основном вышеупомянутым тезисом. В данной статье делается попытка рассмотреть частные вопросы превращения сочетания деепричастий на *-n* и *-de* со спрягаемыми формами вспомогательного глагола *ula-š* в особую синтетическую форму второго прошедшего времени.

Формы этого времени в марийском языке относятся к глагольным временам сравнительно позднего происхождения. Как известно, луговой и горный варианты второго прошедшего времени немногим отличаются друг от друга. Так, глаголы *luda-š* 'читать', *boza-š* 'писать' следующим образом спрягаются в прошедшем времени: *ludā-n-s-m*, *bozena-m* 'я читал, писал'; *ludāna-t*, *bozena-t* 'ты читал, писал'; *lu-dān*, *boze-n* 'он читал, писал'; *lu-dānna*, *boze-nna* 'мы читали, писали'; *lu-dānda*, *boze-nda* 'вы читали, писали'; *lu-dānāt*, *boze-nāt* 'они читали, писали'. Кроме того, во множественном числе могут употребляться сложные формы: *lu-dān ulāna*, *boze-n ulāna* 'мы читали, писали'; *lu-dān ulāda*, *boze-n ulāda* 'вы читали, писали', *lu-dān u-lāt*, *boze-n u-lāt* 'они читали, писали', в которых формы настоящего времени вспомогательного глагола *ula-š* в предложении следуют за основным глаголом. В волжском говоре в *ula-š* звучит *u*. Следующие формы второго прошедшего засвидетельствованы в яранском говоре: *ka-štānlam* 'я ходил', *ka-štānlat*, *ka-štān*, *ka-štānu_lna*, *ka-štānu_lba*, *ka-štānu_t*²; в мишкинском говоре восточного наречия и емангашском говоре горного наречия: *pu-rennan* 'мы зашли', *purendan* 'вы зашли', *tolānnan* 'мы пришли', *tolāndan* 'вы пришли'.³ Формы на *-nan*, *-dan* изредка встречаются и в марийских говорах Удмуртии.

¹ Б. А. Серебренников, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва 1960, стр. 254; И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка I, Йошкар-Ола 1964, стр. 133—134 и др. Прошедшее время на *-n* Э. Левин считал возникшим из деепричастной формы, от которой 1-е и 2-е лицо образуется путем присоединения притяжательных суффиксов. См. E. Lewy, *Tscheremissische Grammatik*, Leipzig 1922, стр. 141.

² Г. М. Тужаров, Яранский говор марийского языка. Автореферат канд. дисс., Тарту 1966, стр. 13.

³ И. С. Галкин, указ. раб., стр. 134.

Отрицательные формы этого времени представляют собой двучленную конструкцию, в них изменяется только отрицание глагола, выражающее лицо, число, наклонение; оно стоит в постпозитивном положении к отрицаемому глаголу. Порядок компонентов здесь постоянен: *lu-dān o-māl*, *βoze-n o-māl* 'я не читал, не писал', *lu-dān o-tāl*, *βoze-n o-tāl* 'ты не читал, не писал', *lu-dān o-γāl*, *βoze-n o-γāl* 'он не читал, не писал', *lu-dān ona-l*, *βoze-n ona-l* 'мы не читали, не писали', *lu-dān oda-l*, *βoze-n oda-l* (*oγāda-l*) 'вы не читали, не писали', *lu-dān o-γātāl*, *βoze-n o-γātāl* ~ волжский *lu-dān oγāle-p*, *βoze-n oγāle-p* 'они не читали, не писали'.

В диалектах отрицательные формы могут быть представлены также в виде трехчленных конструкций: *lu-dān om-ul* 'я не читал', *lu-dān ot ul*, *lu-dān o(γā)na ul*, *lu-dān o(γā)da ul*, *lu-dān o-γāt ul*. В пектубаевском говоре засвидетельствованы формы, в которых отрицательное значение выражается приименным неизменяемым отрицанием *o-γāl* 'не', всегда стоящим за утвердительными формами рассматриваемого времени: *βozena-m o-γāl* 'я не писал', *βozena-t o-γāl*, *βoze-n o-γāl*, *βoze-nna o-γāl*, *βoze-nda o-γāl*, *βoze-nāt o-γāl*. В горном наречии отрицательные формы второго прошедшего времени, например, от *lā-daš*, *si-rāš* образуются следующим образом: *lätte-lām*, *sirāde-lām* 'я не читал, не писал'; *lätte-lāt*, *sirāde-lāt*; *lätte*, *sirāde*; *lätte-lnä*, *sirāde-lnä*; *lätte-ldā*, *sirāde-ldā*; *lätte-lāt*, *sirāde-lāt*. Как видим, в основе этих форм лежат древние причастия на *-n*, а в горном наречии — и причастия на *-de*. Следует отметить, что причастие на *-n* в древности могло обозначать совершившееся действие как активный признак лица или предмета, а также действие, совершенное над предметом и воспринимаемое в качестве пассивного признака этого предмета. Об этом свидетельствует тот факт, что сохранившиеся в диалектах древние сочетания *šūže-n mü-škār* 'голодный желудок', *jo-γān būt* 'проточная вода' могут быть перестроены на современный лад, причем им соответствуют в настоящее время сочетания с активным причастием *šu-žāšo mü-škār*, *jo-γāšo būt*; сочетания же *šo-čān aβa* 'мать-богородица', *šūže-n i-j* 'голодный год' находят соответствие в современном языке *šo-čmo aβa* 'родная мать', *šu-žāmo i-j* 'голодный год', т. е. соответствия с пассивными причастиями. Таким образом, древнее причастие на *-n* не различало залогового значения.⁴

Суффикс современных марийских деепричастий *-n* находит соответствие во всех родственных языках. Деепричастие на *-n* в марийском языке, сохраняющее некоторые остатки былого причастного значения (*ju-mān šo-čān* 'божий сын' или 'богом рожденный'), Э. Беке связывал с причастным суффиксом *-an* пермских языков.⁵ Это замечание оказалось весьма плодотворным при изучении генезиса марийского деепричастия на *-n*.

Причастия на *-n* первоначально могли выступать в предложении как определения (*šūže-n i-j* 'голодный год', *šūže-n mü-škār* 'голодный желудок', *šūže-n pi-re* 'голодный волк', *pi-dān jo-lān* 'с обутыми ногами', *jo-γān*

⁴ Отсутствие определенной залоговой характеристики имеет место и в причастиях на *-an* коми и удмуртского языков. См. Б. А. Серебрянников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 295—296.

⁵ Ö. Веке, Zur Geschichte einiger permischen Nominalbildungssuffixe. — ALHung. II 1953, стр. 338.

Об истории деепричастного суффикса *-n* см.: Х. Рятсеп, Инфинитные формы глагола в финно-угорских языках. Автореферат канд. дисс., Тарту 1954, стр. 11—12; И. С. Галкин, указ. раб., стр. 168—169.

βūt 'проточная вода', *jo-γān pama-š* 'проточный родник', *šo-tān aβa-* 'мать-богородица', *pō-rōān marde-ž* 'вихрь'⁶) и как именная часть сказуемого. Из этого причастия, функционировавшего в предложении в роли сказуемого, берет начало современное второе прошедшее время. В связи с этим небезынтересно отметить, что и в современном марийском языке причастия иногда употребляются в роли спрягаемых глагольных форм. Так, в волжском говоре пассивные причастия зачастую употребляются вместо формы 1-го лица второго прошедшего времени, например, *ānde- šoŋge-mme βet māja-t* 'я теперь ведь постарел', *me peš jo-sān i-lāme* 'мы жили очень трудно', *ānde- šo-ŋgo li-jme ~ ānde- šoŋge-mme* 'теперь мы постарели', *me ku-δāš mi-jme* 'мы ходили домой'.

Причастия на *-n* в более древнее время имели именную природу и, в частности, будучи сказуемым, обозначали качество субъекта. Так как сказуемому как члену предложения необходимо было иметь указание на отнесенность к лицу, числу и времени, то при неизменяемом именном сказуемом стали употребляться формы настоящего времени вспомогательного глагола *ula-š*. Первоначально возникли примерно следующие образования: *lu-δān ula-m* 'я емь читавший', *lu-δān ula-t* 'ты еси читавший', *lu-δān ule-š* 'он есть читавший', *lu-δān ulāna-* 'мы емь читавшие', *lu-δān ulāda-* 'вы есте читавшие', *lu-δān u-lāt* 'они суть читавшие'. Все это в известной степени можно подтвердить многочисленными аналогичными примерами из современного марийского языка: *māj tu-nāktāšo ula-m* 'я емь учитель', *tāj tu-nāktāšo ula-t* 'ты еси учитель', *me tu-nāktāšo ulāna-* 'мы емь учителя', *te tu-nāktāšo ulāda-* 'вы есте учителя', *nu-no tu-nāktāšo u-lāt* 'они суть учителя'. Как и в более древнее время, современное *tu-nāktāšo* 'учитель', являясь в предложении сказуемым и сочетаясь с подлежащим, нуждается в дополнительном грамматическом оформлении, для чего и употребляются личные формы настоящего времени глагола *ula-š*.

Причастие же на *-n*, как можно догадаться из перевода, в древнемарийском языке и, вероятно, в период марийско-мордовской языковой общности характеризовалось значением прошедшего времени.⁷ Об этом свидетельствуют и соответствия из родственных языков: мокш. *kadoñ* 'оставленный', *vidāñ* 'засеянный'.

Таким образом, конструкция «причастие на *n* + личные формы настоящего времени вспомогательного глагола *ula-š*» первоначально выражала прошедшее действие в его отношении к настоящему, т. е. качество как имеющийся в настоящее время результат прошедшего действия. (Это специфическое временное значение рассматриваемой глагольной конструкции послужило основой для возникновения особого глагольного времени). Конечно, в ту эпоху рассматриваемое сочетание не осознавалось как особое время глагола, а представляло собой лишь сочетание *ula-š* с причастием, употребленным в функции именной части составного сказуемого. Однако постепенно *n*-овые причастия все больше отрывались от категории причастия и переосмысливались: они перестали обозначать качество субъекта и стали выражать его действие в процессе протекания, при этом утратилась отнесенность прошедшего действия к настоящему времени. Причастия на *-n*, примыкавшие к вспомогательному глаголу, стали осознаваться как спрягаемые формы,

⁶ Примеры из: Н. И. Исанбаев, О некоторых следах древнего значения деепричастия на *-n* в марийском языке. — *НУК* LX 1958, стр. 61—62.

⁷ И. С. Галкин, указ. раб., стр. 169; Б. А. Серебрянников, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967, стр. 212.

как одна из форм прошедшего времени и обозначать действие, протекавшее до момента речи. Причиной переосмысления данных глагольных конструкций послужили коммуникативные недостатки языка. Дело в том, что в более древнее время для выражения перфектного значения не было особой формы, отличавшейся от имперфекта, который имел несколько иное значение.

Развитие глагола *ula-š* привело к утрате им значения бытия и специализации для выражения грамматического значения знаменательного глагола и всей конструкции в целом. В дальнейшем личные формы вспомогательного глагола в рассматриваемых образованиях слились в одно целое с *n*-овым причастием и образовали синтетические формы лица второго прошедшего времени. Однако новые формы типа *ludāna-m* 'я читал', *ludāna-t* 'ты читал' установились не сразу, первоначально они употреблялись параллельно со сложными формами *lu-dān ula-m* 'я читал', *lu-dān ula-t* 'ты читал'. Об этом свидетельствуют дожившие до нашего времени пережиточные аналитические формы типа *lu-dān ulāna-* 'мы читали', употребляющиеся в диалектах наряду с синтетическими формами типа *lu-dānna* 'мы читали'.

Слияние и связанное с ним затемнение *ula-š*, по-видимому, были связаны с общей тенденцией к синтезированию личных форм глагола. Этот процесс начался сравнительно давно, причем прежде всего в 3-м лице единственного числа. Не исключена возможность, что этот процесс был обусловлен также начавшимся изменением первоначального значения второго прошедшего времени, когда оно, помимо своего основного значения, имело приобретенные. Кроме того, определенная роль в соединении вспомогательного глагола с *n*-овым причастием в одно целое принадлежит фонетическим причинам. Первоначально имевший свое ударение глагол *ula-š*, лишившись его и в результате этого в акцентуационном отношении примкнув к предшествующему слову с самостоятельным значением и ударением, образовал одну фонетическую единицу с последним. Все это с течением времени привело к фонетической редукции элемента, не несущего самостоятельного ударения, в результате чего утратился начальный слог *ul(ā)* или гласный *u* глагола *ula-š*. Примеры: *to-lān ula-m* > *to-lānlam* ~ *tolāna-m* 'я пришел', *to-lān ula-t* > *to-lānlat* ~ *tolāna-t* 'ты пришел', *to-lān ulāna-* > *to-lānna* 'мы пришли', *to-lān ulāda-* > *to-lānda* 'вы пришли', *to-lān u-lāt* > *to-lānāt* ~ *to-lānna-t* 'они пришли'.

Таким образом, образование и история форм второго прошедшего времени состоит в процессе синтезирования аналитических глагольных конструкций. Если в современном марийском языке формы типа *to āna-m* 'я пришел' воспринимаются как простые слова, то в древнемарийском языке они представляли собой словосочетания, которые с течением времени стали восприниматься как сложные слова.

В связи с этим возникает и вопрос о сдвигах границы морфем в слове. В результате происшедших фонетических процессов и перераспределения основы, которые, впрочем, имели место во всей глагольной сфере, в рассматриваемых формах марийского языка граница между основой и окончанием переместилась в пользу последнего, вследствие чего в современном марийском языке, в частности также под влиянием инфинитивной формы *lud-a-š*, *voz-a-š*, в качестве окончаний стали восприниматься *-ānam* (*-enam*), *-ānat* (*-enat*), *-ān* (*-en*), *-ānna* (*-enna*), *-ānda* (*-enda*), *-ānāt* (*-enāt*), т. е. личные окончания исчезнувшего корня *ul-* вместе с суффиксом *-ān* (*-en*) древнего причастия.

Необходимо отметить, что с течением времени личные окончания стали непосредственно присоединяться к основе глагола, а не к историческому причастию, позднее переосмысленному как деепричастие, например: *apitiroḡatł-ena-m*, *apitiroḡatł-ena-t*, *apitiroḡatł-e-n* 'я, ты, он агитировал', *apiti-roḡatł-enna*, *apiti-roḡatł-enda*, *apiti-roḡatł-enāt* 'мы, вы, они агитировали'; *ḡeselaŋ-āna-m*, *ḡesela-ŋ-āna-t*, *ḡesela-ŋ-ān* 'я, ты, он повеселел', *ḡesela-ŋ-āna*, *ḡesela-ŋ-ānda*, *ḡesela-ŋ-ānāt* 'мы, вы, они повеселели', ср. инфинитив *apitiroḡatł-a-š* 'агитировать', *ḡeselaŋ-a-š* 'повеселеть'. Однако генетическая связь форм второго прошедшего с причастием на *-n* и в этом случае в сфере множественного числа обнаруживается в виде описательных образований: *apiti-roḡatł-en ul-āna* 'мы агитировали', *ḡesela-ŋ-ān ul-āda* 'вы повеселели', *ḡesela-ŋ-ān ul-lāt* 'они повеселели'.

Особо следует остановиться на форме 3-го лица единственного числа. В современном марийском языке каких-либо явных следов существования вспомогательного глагола в 3-м лице единственного числа не удалось обнаружить. По своей морфологической форме 3-е лицо единственного числа второго прошедшего времени в настоящее время совпадает с деепричастием на *-n*, например: *tu-ḡo ši-nčān* 'он уселся', ср. *tu-ḡo ši-nčān kalaskala* 'он, сидя, рассказывает'; *aka-m pō-rtāš pure-n* 'моя старшая сестра зашла в дом', ср. *aka-m pō-rtāš pure-n kāčkāra-le* 'моя старшая сестра, войдя в дом, крикнула'. Реликты вспомогательного глагола в 3-м лице единственного числа отсутствуют не только при имеющемся подлежащем (оно обычно указывает на 3-е лицо), но и при отсутствии подлежащего, например в неполном предложении. Отсутствуют следы вспомогательного глагола также в неопределенно-личных предложениях, а также в безличном предложении, например: *iza-m kas ma-ḡte paša-šte li-jān* 'мой брат до вечера находился на работе', *teŋge-če tu-ḡo tom āšte-n?* 'вчера он что делал?' *je-če ḡe-ne munčalte-n* 'катался (он) на коньках'; *kudāḡe-čāšte šuke-ḡtak oše-mān* 'на дворе давно уж побелело'. Все это могло бы привести нас к мысли, что в 3-м лице единственного числа вспомогательный глагол вообще никогда не употреблялся, так как здесь показателем лица могло быть именно его отсутствие и лишь причастие употреблялось в роли 3-го лица. Однако в формах 3-го лица множественного числа и отрицательной 3-го лица единственного числа наряду с древним причастием находим рудименты вспомогательного глагола (*lu-ḡān ok ul* 'он не есть читавший' > *lu-ḡān o-ḡāl* 'он не читал', *lu-ḡān ul-lāt* 'они читавшие суть' > *lu-ḡānāt* 'они читали'), что позволяет утверждать: в 3-м лице единственного числа действительно существовал вспомогательный глагол *ule-š*, который со временем вышел из употребления.

Утрата вспомогательного глагола в 3-м лице единственного числа была вызвана, вероятно, некоторыми особенностями синтаксиса древнемарийского языка. Следует отметить, что в 3-м лице обычно имеется каксе-нибудь имя в качестве подлежащего, следовательно, и без вспомогательного глагола есть указание на субъект действия. Это обстоятельство привело к исчезновению в 3-м лице единственного числа вспомогательного глагола, выразившего лишь грамматическое значение. Сохранение же вспомогательного глагола *ul-lāt* 'они суть' в 3-м лице множественного числа, вероятно, было обусловлено тенденцией к дифференциации значений разными формами, т. е. омонимическим отталкиванием от формы 3-го лица единственного числа. В противоположность

3-му лицу единственного числа в 1-м и во 2-м лице, как отмечено выше, вспомогательный глагол сохранился. Этому способствовало, быть может, сравнительно редкое употребление личных местоимений в древнемарийском языке при глаголе-сказуемом в 1-м и 2-м лице (возможно, они употреблялись лишь тогда, когда на них падало логическое ударение), и отношение действия к 1-му или 2-му лицу показывала лишь личная форма глагола. Об этом свидетельствует также более редкое употребление личного местоимения в 1-м и 2-м лице по сравнению с 3-м лицом в современном марийском языке, несомненно обусловленное своего рода компенсацией исчезнувшего или сохраняющегося в языке вспомогательного глагола.

Не исключена возможность аналогического воздействия на рассматриваемое образование форм 3-го лица настоящего времени, исторически представляющих собой основу глагола или чистое причастие; вследствие этого в анализируемой форме утратился вспомогательный глагол и форму лица стало выражать также голое причастие.

Утрата вспомогательного глагола *ule-š* в 3-м лице единственного числа рассматриваемых форм непосредственно связана с особенностью марийского синтаксиса — отсутствием связки в именном составном сказуемом, стоящем также в 3-м лице единственного числа настоящего времени, например: *βeskana memna-n jalža-t ola-γajak lijša-š* 'в будущем и наша деревня должна быть как город', *ti-de škol memna-n* 'эта школа наша', *čān ke-če dečat βo-lyādo* 'правда светлее солнца', *čāla jā-lyāššak šö-rtñö o-γāl* 'все блестящее не золото'. При изменении числа опущенный вспомогательный глагол восстанавливается: *βeskana memna-n jalsamāča-t ola-γajak lijša-š u-lāt* 'в будущем и наши деревни должны быть как город', ср. *tu-do lu-δān* 'он читал', *nu-no lu-δān u-lāt* ~ *lu-δā-nāt* 'они читали'.

Строение отрицательных форм второго прошедшего весьма прозрачно. Они образовались в результате сочетания того же причастия на *-n* и отрицательных форм настоящего времени глагола *ula-š* и подверглись такому же грамматическому и семантическому переосмыслению, что и утвердительные формы, например: *lu-δān om ul (o-γāt ul)* > *lu-δān o-māl* 'я не читал', *lu-δān ot ul (o-γāt ul)* > *lu-δān o-tāl* 'ты не читал', *lu-δān o-γāl* 'он не читал', *lu-δān o-γāna ul* ~ *lu-δān ona ul* ~ *lu-δān ona-l* 'мы не читали', *lu-δān o-γēda ul* ~ *lu-δān o-da ul* ~ *lu-δān o-da-l* 'вы не читали', *lu-δān o-γāt ul* ~ *lu-δān o-γātāl* 'они не читали'. Как видно из примеров, видоизменение отрицательных форм было связано с фонетической редуцией гласных, а затем с последующей утратой некоторых звуков.

Диалектные формы типа *tolāna-m o-γāl* 'я не пришел', в которых «аномально» сочетаются утвердительные формы второго прошедшего и приименное неизменяемое отрицание *o-γāl* 'не', возникли в сравнительно позднее время под воздействием тенденции к однообразию отрицательных форм в сфере имен и в сфере глагола. Подобное стремление к упрощению, несомненно, вызвано начавшимся действием влияния русского языка, с носителями которого марийское население отмеченной территории, оказавшись в соседстве в результате позднейшей колонизации первых, находилось и находится в тесных культурно-экономических связях. Как известно, русскому языку свойственна одна неизменяемая отрицательная частица, которая употребляется как с именами, так и с глаголами.

Вариант отрицательной формы в горном наречии, как справедливо заметил И. С. Галкин⁸, образовался из сочетания отрицательного причастия на *-de* с личными утвердительными формами настоящего времени вспомогательного глагола *ä-laš* 'быть' и в результате последующего их сращения, вызванного теми же причинами, которые имели место при синтезировании форм второго прошедшего, образованного от причастия на *-n* (*tolde älam* 'я есть не пришедший' > *tolde-lam* 'я не пришел' и др.). Не исключена возможность, что в более древнее время в марийском языке параллельно существовали отрицательные конструкции второго прошедшего времени типа *to-lân om ul* 'я не есть пришедший' и *tolde-ula-m* 'я есть не пришедший', причем они не дифференцировали значения. В финском языке, как и в марийском, имеет место двойное оформление отрицательной конструкции: *hän ei ole tullut* 'он не пришел', *hän on tulematta* то же. Нельзя не согласиться с мнением И. С. Галкина, согласно которому окончательное закрепление отрицательной формы по диалектам произошло после разделения древних мари на луговые и горные.⁹

Остановимся на возникновении диалектного окончания 3-го лица множественного числа отрицательной формы (волжский *kožarte-n ožäle-p* 'они не заострили', ср. лит. *košarte-n o-žätäl*; *sukāne-n ožäle-p* 'они не стали на колени', лит. *suke-n o-žätäl*; *čatkāde-mān ožäle-p* 'они не окрепли', лит. *čotkāde-mān o-žätäl*). Формы 3-го лица единственного и 3-го лица множественного числа отличаются друг от друга лишь наличием в последнем дополнительного окончания *-ep* (ср. *kožarte-n o-žäl* 'он не заострил' *sukāne-n o-žäl* 'он не стал на колени', *čatkāde-mān o-žäl* 'он не окреп'). Рассматриваемый форматив исторически развился из более древнего суффикса причастия настоящего времени *-va* (*-vā*), употреблявшегося в сфере спрягаемых глагольных форм. В этом суффиксе конечный гласный редуцировался до полного исчезновения, звонкий *v*, оказавшись в абсолютном исходе слова, оглушился.

В более древнее время в марийском языке употреблялись и в наше время активно употребляемые лишь финно-угорские *s*-овые и *i*-овые прошедшие времена, которые в древности были многофункциональными. Разгрузка их семантики с течением времени осуществилась, вероятно, путем выработки совершенно новой формы прошедшего времени, названной вторым прошедшим, при этом *s*-овое и *i*-овое прошедшие времена специализировались на выражение лишь действия или состояния, которое имело место в прошедшем или воспринималось как обычное действие в прошлом независимо от того, было оно завершено или нет. Вновь возникшее же образование первоначально выражало прошедшее результативное, т. е. отнесенное к настоящему времени состояние, как результат совершенного ранее действия. О том, что более древним значением рассматриваемой конструкции было прошедшее результативное, свидетельствуют составляющие его элементы и их значения: причастие прошедшего времени на *-n* и формы настоящего времени вспомогательного глагола *ula-š*. Однако в области значения рассматриваемой формы со временем наметились определенные смещения. Помимо выражения своего исконного значения, эта форма времени в современном языке стала обозначать и прошедшее длительное действие, а также действие, совершившееся в прошлом, но не наблюдаемое говорящим, и т. д. Впрочем, не всегда сейчас может быть ограничено употребление второго

⁸ И. С. Галкин, указ. раб., стр. 156.

⁹ Там же.

прошедшего времени от первого прошедшего, в некоторых случаях разграничение носит чисто стилистический характер.¹⁰

Во втором прошедшем наряду с *n*-овым причастием прошедшего времени, имевшим главным образом значение перфективности, совершенности действия, выступал вспомогательный глагол, связывавший прошедшее действие с настоящим и поэтому характеризовавшийся оттенковым значением продолжения действия (т. е. незавершенности, имперфективности). Это, очевидно, и создало благоприятную основу для выработки видовой специализации второго прошедшего времени, выражающего в преобладающем большинстве случаев в современном языке длительное или многократное действие. Возникновение же модального значения неочевидности у перфекта Б. А. Серебренников объясняет так: «В преобладающем большинстве случаев говорящий, констатирующий результат действия, сам не является очевидцем этого действия. Это обстоятельство послужило базой для развития у перфекта модального значения неочевидности».¹¹

В заключение следует отметить, что образование новой временной формы перфекта на базе причастий не является специфически марийской чертой. Есть аналогии и в других урало-алтайских языках, например, в мордовских, коми, удмуртском, прибалтийско-финских¹², чувашском, татарском, башкирском и других¹³, правда, с некоторыми незначительными особенностями в каждом языке. Идентичное явление наблюдается в индоевропейских языках. Подобное образование было свойственно древнерусскому языку¹⁴ и имеет место в настоящее время в немецком, английском и других языках. В большинстве случаев разница между формами перфекта указанных языков заключается лишь в том, что в одних языках вспомогательный глагол «быть» слился с причастием, в других же формы перфекта представляют собой конструкцию из двух слов — вспомогательных глаголов и причастий.

¹⁰ О значении прошедшего времени см.: Современный марийский язык, Йошкар-Ола 1961, стр. 186—189; Б. А. Серебренников, Категории вида и времени в финно-угорских языках пермской и волжской групп, стр. 160—168.

¹¹ Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, стр. 266.

¹² Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, стр. 257—259; его же, Историческая морфология мордовских языков, стр. 158—159.

¹³ Н. А. Баскаков, Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков II, Москва 1956, стр. 291—297.

¹⁴ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, Москва 1953, стр. 225.

G. I. LAVRENTJEV (Glazov)

THE GENETIC PROBLEMS OF THE SECOND PAST TENSE IN THE MARI LANGUAGE

Because of the polyfunctionality of the Fenno-Ugric preterite affixes *-s* and *-i* the so-called second past tense has appeared in Mari. This new formation expressed at first an indefinite past action. As evidence for this meaning cf. the constitution of the second past tense forms. These forms are composed of a past participle ending in *-n* and of the present tense forms of the auxiliary verb 'to be', e. g. *lu-δән ula-m* 'I have read' (lit. 'I am read') > *luδәna-m*, *lu-δән ula-t* > *luδәna-t* 'you have read', *lu-δән ule-š* > *lu-δән* 'he has read', etc.

As one can see the formation of the forms of the second past tense is a process of synthesis of the analytical verbal constructions used earlier in the function of a compound nominal predicate. It was accompanied by many phonetic and morphological developments due to various intrinsic causes. Eventually certain shifts occurred in the meaning of this form.